

Необходимость в них опосредована экспертизами и диагностиками, которые не предполагают создание новых знаний. Поэтому исторические уподобления и перестановки, используемые в публичных дискуссиях, можно сопоставить с кубистскими коллажами, воплощающими симультанное видение, и с футуризмом, избравшим динамизм метонимий. Они выражают двойственные тенденции в общественно-политических обсуждениях, апеллирующих к исторической памяти, – стереоскопическое освещение проблемы, при котором в одно событие включается множество аспектов, и детализирование, выявляющее первоэлементы референции и коннотации.

Таким образом, семиотические ресурсы исторической памяти, составляют концептуальные основы общественно-политических дебатов. Они направлены на выявление небезопасных для сохранности культурно-исторических границ государственности деструктивных явлений и процессов, изымающих индивида из инфраструктуры коллективной памяти посредством обобщений и диссоциаций.

Список литературы:

1. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые. – М.: Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2007. – 288 с.
3. Воробьева, С.В. Семиотические основания когнитивной герменевтики / С.В. Воробьева // История. Семиотика. Культура: сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 250-летию Фридриха Шлейермахера / отв. ред. И.В. Дёмин. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2018. – С. 289–296.
4. Малинова, О.Ю. Политика памяти как область символической политики / О.Ю. Малинова // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – М.–СПб.: НесторИстория, 2018. – С. 27–53.
5. Сарычева, А.В. Диалектические обязательства участников дискуссии в концепции Э. Краббе / А.В. Сарычева // Двенадцатые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 24–26 июня 2021 г. – М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2021. – С. 303–306.
6. Узлова, Н.В. Культурная безопасность как один из факторов устойчивого развития / Н.В. Узлова // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 12. – С. 164–166.

Демидов А.Б.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И СОФИСТИКА

Ключевые слова: софистика, интерпретация, герменевтика, насилие историческая память.

В формулировке обсуждаемой темы, т.е. проблемы «интерпретационного насилия над исторической памятью», содержится латентная аномалия. Она состоит в смысловом диссонансе значений слов «интерпретация» и «насилие». Эта несогласованность подобна той, которую иллюстрируют выражением «круглый квадрат». Вследствие таких выражений предмет,

обозначаемый ими, оказывается непредставимым, не поддаётся отчётливой идентификации.

Наша задача состоит в том, чтобы сделать латентную несогласованность выражения «интерпретационное насилие» очевидной. Благодаря осмыслению характера семантической аномалии станет возможным уточнение предмета обсуждения.

В пределах потребностей нашего исследования слово «насилие» в особых экспликациях не нуждается. Оно означает физическое или моральное давление на кого-либо, а также противоестественное воздействие на что-то, на какую-то вещь, на здравый смысл, возможно, и на историческую память.

Сложнее обстоит дело со словом «интерпретация». Оно не характерно для живой устной речи, а в научном лексиконе может употребляться в разных значениях.

В логике, математике, физике – науках, создающих и использующих формализованные системы знаков (так называемые «формализованные языки») интерпретацией называют придание содержательных значений знакам формализованной системы и конструкциям из них. В процессе так понимаемой интерпретации элементы формальной знаковой системы соотносятся с элементами содержательной системы. Понятно, что к историческим наукам и исторической памяти так понимаемая «интерпретация» может иметь лишь отдалённое отношение.

В гуманитарных науках термин «интерпретация» играет принципиальную роль в герменевтике, которую обычно определяют как теорию понимания и интерпретации. Существует множество вариантов герменевтики. В настоящее время особенно влиятельна философская герменевтика Ханса-Георга Гадамера. Он полагает, что человеческое понимание и интерпретация неразрывно связаны, предполагают друг друга и коренятся в почве языка. Историк стремится к пониманию некоторого материала исходя из своего пред-понимания, предрассудка. Предрассудки неизбежны, но работая с предметом своего понимания, интерпретатор осознаёт его инаковость по отношению к собственным предрассудкам, которые также становятся осознанными и учтёнными. Историк методично продвигается к сближению горизонтов своего понимания и понимаемого предмета. Процесс понимания и интерпретации имеет характер диалога и герменевтического круга. Всякая интерпретация исторична, не окончательна. «Опыт истории» у Гадамера представляет собой «слияние горизонтов понимания, – слияние, которое и служит посредником между текстом и интерпретатором» [4, с. 443]. В процессе «герменевтического свершения» требуется строжайшая методическая дисциплина интерпретатора по отношению к самому себе [4, с. 533].

Ряд положений Гадамера оспаривал Эмилио Бетти. Он считал, что герменевтический метод Гадамера не способен гарантировать правильность понимания и, соответственно, интерпретации [3, с. 94]. Для обеспечения объективности интерпретации Бетти выдвигает критерии и принци-

пы истолкования, названные им «герменевтическими канонами». На первом месте стоит канон герменевтической автономии объекта. Предмет, подлежащий истолкованию есть объективация духа, выражение мысли, и он должен пониматься соответственно объективированному в них чужому духу, а не переосмысливаться интерпретатором. Этому канону ещё в предшествующей герменевтике дали афористичное выражение: *sensus non est inferendus, sed efferendus* (смысл не вносится, а выносится) [3, с. 29]. Этот канон говорит о недопустимости произвольного понимания и толкования, не извлечённого из самого предмета. Бетти формулирует ещё три канона: канон смысловой связности (принцип целостности), канон актуальности понимания и канон герменевтического смыслового соответствия (смысловой адекватности понимания).

Методология, разрабатываемая в русле герменевтики, выражает стремление обеспечить обоснованную и адекватную интерпретацию исторических событий. Однако в последнее время заметно активизировались усилия «интерпретаторов» иного рода. Ими предпринимаются информационные атаки, нацеленные на российскую и белорусскую аудиторию с целью посеять у нас недоверие к собственной исторической памяти, сформировать чувство исторической вины и комплекс исторической неполноценности.

Квази-интерпретаторы нашей истории тоже умеют или пытаются работать методически. Некоторые наблюдения и обобщения относительно квази-интерпретаций такого рода представлены в публикациях С.Б. Баглюка. Возьмём, к примеру, метод, обозначенный как «анализ-минус» [2, с. 14]. Он представляет некоторое событие-явление как бы объективно, но сосредотачивается на негативных его сторонах, оставляя без внимания положительные стороны. Ещё одним примером является использование эффекта фрейминга (от англ. *frame* рамка, обрамление), когда преподносится как бы нейтральная информация, но контекстуальное оформление путём отбора, акцентирования, исключения и уточнения компонентов обуславливает у реципиента её негативное или позитивное восприятие [1, с. 19].

В этих и подобных методах преподнесения и интерпретации информации как бы нет явного насилия, давления на сознание. И как раз такая скрытность истинных намерений квази-интерпретаторов таит опасность. Преподносимая информация об исторических событиях как будто свободна от предвзятых оценок, от предрассудков. Аудитория воспринимает её как будто свободно, не по чьей-то указке и потому не выстраивает критическую оборону по отношению к ней.

Методы действий квази-интерпретаторов истории напоминают античную софистику. Софистов их современники характеризовали как платных учителей мудрости, выражая презрение к такому способу зарабатывать деньги, а именно за определённую и немалую плату учить искусству доказывать или опровергать что бы то ни было. По словам Платона, софисту свойствен-

но «лицемерное подражание искусству», которое запутывает других в противоречиях, творит призраки и занимается фокусничеством [5, с. 345].

Софисты, используя ненасильственные средства, занимаются информационными фальсификациями ради собственной корысти. Поэтому, как мне представляется, речь должна идти не об «интерпретационном насилии над исторической памятью», а о софистических глумлениях над исторической памятью.

Список литературы:

1. Баглюк, С.Б. Демонизация как элемент информационной войны / С.Б. Баглюк // Национальная Ассоциация Ученых. – 2021. – № 70. – С. 17–22.
2. Баглюк, С.Б. Очернение как элемент информационной войны / С.Б. Баглюк // Национальная Ассоциация Ученых. – 2021. – № 70. – С. 13–17.
3. Бетти, Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Э. Бетти. – М.: Канон+, 2011. – 143 с.
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 700 с.
5. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Платон. – М.: Мысль, 1990–1994. – 1993. – Т. 2. – 528 с.

Корзун В.П.

ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ: МЕНЯЮЩИЙСЯ ЗАПРОС К ПРОФЕССИИ ИСТОРИКА

Ключевые слова: история, исторический факт, историческая память, историческое исследование.

Последние десятилетия XX – начало XXI века характеризуются энергичным переосмыслением « базовых исходных аксиом историописания, касающихся предмета исторического исследования, исторического факта, исторического источника, места историка, значения текста, языка в историческом исследовании, содержания историзма и причинности» [1, с. 19]. Обращу внимание на некоторое отступление от сциентизма в этот период в практиках осмысления субъектности процесса познания. По времени почти совпадают, на мой взгляд, три значимых процесса, тесно связанных между собой – « мемориальный поворот» с пристальным вниманием к исторической памяти, возрождение концепта «публичной истории» и интенсивная рефлексия историков о своем ремесле с поиском своей идентичности, новых эпистемологических оснований деятельности.

Возврат истории и историка в публичное пространство (естественно в условиях глобализации и принципиально нового коммуникативного поля) стал предметом напряженной рефлексии: актуализировалось само понятие «публичной истории», обозначены причины новой интеллектуальной моды, выделены хронологические рубежи кристаллизации публичной истории в качестве самостоятельного направления в различных националь-